

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ РУСИСТИКА

УДК 811.161.1

Генералова Елена Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
elena-generalova@yandex.ru

К началам исторической фразеологии: устойчивые сверхсловные комплексы в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского*

Для цитирования: Генералова Е. В. К началам исторической фразеологии: устойчивые сверхсловные комплексы в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература.* 2023, 20 (4): 662–683. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.401>

Статья посвящена научному наследию И. И. Срезневского в свете проблематики активно развивающихся в настоящее время исторической фразеологии и исторической фразеологии, насущной проблемой которых является создание фразеологических словарей языка донационального периода. Цель статьи — исследование ретроспективы русской и славянской исторической фразеологии, в связи с чем системно и в полном объеме изучаются устойчивые сверхсловные комплексы, ставшие предметом описания в «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского, приемы и способы их лексикографирования, а также теоретическая позиция Срезневского как лексикографа и одного из ученых, стоявших у истоков изучения фразеологии древнерусской книжности. Делается вывод, что в истории лексикографии Срезневский как яркий представитель Санкт-Петербургской филологической школы стал не только создателем одного из первых исторических словарей, описывающих лексику древнейшего периода развития русского языка, но и основоположником исторической фразеологии, поскольку словарь — это и первый опыт описания собственно диахронического состояния (не на

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI–XVII веков», <https://rscf.ru/project/23-28-00038>.

фоне современной лексики) фразеологического фонда языка прошлых эпох. Изучение представленных в словаре Срезневского устойчивых комплексов, проведенное с помощью метода фразеологической идентификации, компонентного и грамматического анализа, анализа лексикографических дефиниций в рамках общего исторического и системного подходов, показало, что объектом описания выступает разнообразный лингвистический материал: идиоматика, традиционные формулы, эквиваленты греческих слов, устойчивые предложно-падежные сочетания, сложные термины и наименования, составные имена собственные, пословичные выражения. Срезневским заложены основы принципов представления в историческом словаре устойчивых сочетаний разных типов и обозначены важнейшие дискуссионные вопросы в этом отношении (принципы отбора и толкования, сочетание лингвистического и энциклопедического подходов, представление широкой вариативности и синонимии фразеологии в диахронии, место устойчивых сочетаний в словарной статье и др.).

Ключевые слова: фразеология, историческая фразеография, исторический словарь, И. И. Срезневский, устойчивое сочетание.

Введение

Измаил Иванович Срезневский — это особое имя для Санкт-Петербургского университета: на торжественном собрании университета 8 февраля 1849 г. И. И. Срезневский произнес свою программную речь «Мысли об истории русского языка», в которой выдвинул перспективную системную концепцию изучения русского языка в диахронии, в течение четверти века (с 1855 по 1889 г.) Срезневский был деканом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1861 г. состоял в должности ректора СПбГУ. В стенах филологического факультета долгие десятилетия Срезневский создавал свой фундаментальный труд — «Материалы для словаря древнерусского языка», и в Петербурге уже после смерти ученого словарь был опубликован. основополагающими чертами Петербургской лингвистической школы являются «общий филологизм, историзм, семантизм, лексикографизм» [Герд 2008: 4], и в данном случае как научная деятельность Срезневского в полной мере воплощает в себе эти черты, так и петербургское языкознание характеризуется соответствующими признаками именно благодаря таким ярким его представителям, как Срезневский.

Хотя с момента создания трудов Срезневского прошло более века, к ним продолжают обращаться, подтверждая их теоретическую и методическую значимость (напр., [Кондрашов 1979; Семячко 2021]), и не только как к факту истории науки, а как к актуальному академическому источнику (напр., [Ковалев 2002; Веколова 2015]), разностороннему и разноплановому, научный потенциал которого явно не исчерпан. В высшей степени востребованы созданные Срезневским «Материалы для словаря древнерусского языка» (далее — [С]). Это и одно из первых исторических лексикографических описаний древнейших памятников славяно-русской письменности, и один из немногих завершенных диахронических словарей, и уникальное описание истории народа через призму языка. Председатель Комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов, автор и редактор «Словаря русского языка XI–XVII вв.» М. И. Чернышева подчеркивает, что

несмотря на существование уже нескольких крупных исторических словарей русского языка: «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.», «Словаря русского языка XI–XVII вв.», «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» и других, — «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского со временем не утратили своей ценности. Отечественные филологи по-прежнему используют это произведение в своих исследованиях, а некоторые из них опираются исключительно на труд И. И. Срезневского, предпочитая его всем остальным лексиконам [Чернышева 2017: 186].

Наследие И. И. Срезневского в свете ретроспективы исторической фразеологии и фразеографии

В настоящей статье научное наследие Срезневского рассматривается в связи с актуальной проблематикой исторической фразеологии и исторической фразеографии.

Насущными задачами этих активно развивающихся в настоящее время дисциплин являются, с одной стороны, поиск научно обоснованных ответов на такие теоретические вопросы, как определение фразеологизма в историческом тексте, классификация устойчивых сочетаний в истории языка, изучение динамики фразеологизации и сложения фразеологического фонда русского языка, а с другой стороны, практические вопросы описания фразеологического и пословичного фонда разных эпох. На основе разработки концепции по изучению фразеологического наследия в диахронии будет решена и прикладная задача создания исторического фразеологического словаря. Понятие *исторический словарь* неоднозначно: может пониматься и традиционно, как словарь, исторический по материалу, т. е. историко-регистрационный словарь, описывающий лингвистический материал прошлых эпох, и как словарь, исторический по методу, т. е. историко-динамический, показывающий динамику развития лексико-фразеологического фонда (см. подробнее [Генералова 2018]). И тот, и другой тип исторического словаря для фразеологии на настоящий момент практически отсутствуют. Редким исключением являются представляющие тип историко-регистрационного словаря фразеологические словари старославянского языка, создаваемые в словарной лаборатории под руководством С. Г. Шулежковой (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова) [Шулежкова 2010; 2020], и «Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века» М. Ф. Палевской [Палевская 1980], хотя А. К. Бирих отмечает, что при всех достоинствах этого труда «“Материалы...” М. Ф. Палевской не могут служить основным источником описания русской фразеологии XVIII в.» [Бирих 2016: 20], так как содержат много лакун. Фразеологические же словари русского языка донационального периода вообще отсутствуют, и их создание — злободневная задача современной науки. М. В. Пименова подчеркивает, что

если на синхронном уровне устойчивые единицы изучены последовательно и основательно, имеются фундаментальные синхронные и ретроспективные историко-этимологические словари фразеологизмов... то перспективная линия изучения фактически не представлена, историки языка прослеживают развитие лишь отдельных устойчивых сочетаний древнего текста [Пименова 2015: 144].

Нельзя при этом сказать, однако, что известные по памятникам русского языка сверхсловные единства остались вообще без внимания лексикографов; они активно включались в исторические словари толкового типа, историко-диалектные словари, словари отдельных памятников. Одним же из первых исследователей, осуществившим словарную фиксацию устойчивых сочетаний языка старшего периода, был Срезневский.

В XIX в., когда создавались «Материалы для словаря древнерусского языка», теория фразеологии еще только формируется — в трудах Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, И. Н. Снегирева и др. Срезневский был одним из ученых, стоявших у истоков русской и славянской фразеологии как науки: он обозначил специфику устойчивых оборотов по отношению к словам и свободным словосочетаниям, обратив внимание на то, что «всякую связь слов или словечек, которые, хотя в ней и выражают все вместе одно нераздельное понятие, но не утратили своей отдельности, следует рассматривать как связь слов, а не как одно нераздельное сложное слово» [Срезневский 1986: 150]. Статью Срезневского «Замечания об образовании слов из выражений» [Срезневский 1873], в которой выдвинуто понятие лексической целостности ряда словосочетаний, считают «первой работой по теории фразеологии» [Хуснутдинов 2008: 114], так как в ней Срезневский

а) дал научное определение устойчивому сочетанию слов на основе лексической спаянности слов-компонентов, показав соотнесенность его со словом и свободным словосочетанием; б) попытался классифицировать фразеологические единицы на основе морфологической природы входящих в них слов; в) указал на возможность перехода свободных словосочетаний в устойчивые словосочетания в связи с появлением новых образных значений; г) отметил некоторые изменения компонентов в связи с контекстуальным окружением в глагольных фразеологических единицах [Айолло 1961: 194].

В русистике XIX в. не было и самого термина для обозначения устойчивых сверхсловных единств. Чаще всего они именовались «речениями» или «выражениями» (ср. еще в первой половине XX в. Д. Н. Ушаков называет фразеологические сочетания «цельными ходячими выражениями» [Ушаков 1935–1940: XXV]). Срезневский использует термин «выражение», понимая под ним в ряде случаев словосочетание в общем (как свободное, так и устойчивое) [Срезневский 1986: 132–133, 148]; в некоторых работах встречается термин «поговорочные выражения» [Срезневский 1959: 55] и «нераздельные сочетания нескольких слов» [Срезневский 1986: 133].

В настоящей статье для обозначения различных фразеологизированных структур в истории языка используется термин «устойчивый сверхсловный комплекс» [Ройзензон 1961] (далее — УСК). Этот термин представляется наиболее удачным, поскольку позволяет учесть самый разный языковой материал, характеризующийся сложностью состава и постоянством значения, фиксируемый в памятниках старшего периода и отраженный словарем Срезневского.

В области лексикографирования УСК Срезневский мог опираться только на опыт толковой лексикографии XVIII и XIX вв., исторического словаря как словаря, описывающего лексику прошлых эпох, на тот момент в русистике не было. Со второй половины XVIII в. публикуются пословичные своды, но это собрания,

а не исторические паремиологические словари. Первый же филологический фразеологический словарь — словарь М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и выражений», как и положенный в его основу словарик «Ходячие и меткие слова», выйдут в свет только после кончины Срезневского — соответственно в 1903–1904 гг. и 1892 г., и это также словари, описывающие все известные в языке устойчивые сочетания, а не фразеологию определенного периода развития русского языка. Основы словарного описания УСК были заложены в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. (далее — САР). Е.Э. Биржакова, проанализировав интерпретацию сверхсловных единств в САР, приходит к выводу, что

«Словарь Академии Российской» положил начало практической работе в области фразеологии, тому накоплению материалов, без которых невозможны серьезные теоретические обобщения и которые впоследствии лексикография представила в распоряжение исследователей [Биржакова 1965: 270].

В САР различаются «речения» (напр., *быком лить* ‘когда кто кушанье или яство, которое хлебают ложками, пьет из чаши через край’ [САР, 1: 409]), «вещания» (напр., *своды сводить* ‘заводить смуту, переносить смутные речи’ [САР, 1: 566]), «названия» (напр., *врачь души* ‘о священнике’ [САР, 1: 878]), «пословицы» (напр., *береги денежку на черный день*), «присловицы» (напр., *ни дать ни взять* [САР, 1: 134]), то, что «приточно говорится» (*врачу! исцелися сам!* [САР, 1: 878]).

Толковая лексикография XIX в. развивает идеи САР в переиздании этого словаря (1806–1822), закладывая таким образом принципы толкового словаря современного языка нормативного типа, в том числе и принципы описания фразеологии современного языка. С другой стороны, Академией наук издается «Словарь церковнославянского и русского языков» (1847); этот словарь также включает и описание устойчивых сочетаний разных исторических периодов, но создается в соответствии с принципами именно толковой лексикографии и не является историческим словарем как таковым, поскольку не ставит задачу диахронического описания лексики памятников прошлого, а мыслится авторами как сокровищница русского языка — от первых памятников до позднейших записей XIX в. В 1863–1866 гг. выходит четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля — богатейшее собрание народных слов и выражений, который, однако, тоже ни в коей мере не занимает свободную на тот момент в отечественной лексикографии нишу исторического лексикона.

По сравнению с имеющимся опытом толковой лексикографии перед Срезневским стоит особая задача. Ученый создает исторический словарь — уникальное собрание лексического материала по древнейшим памятникам древнерусской письменности. И поскольку цель задуманного им труда — описание древнерусских текстов, то с учетом традиционности как основного принципа Средневековья и формульности как важнейшей черты построения древнего текста вопрос о выделении устойчивых сочетаний приобретает существенную специфику.

Принципы представления фразеологического материала в словаре И. И. Срезневского

С целью изучения ретроспективы русской исторической фразеологии были системно и в полном объеме изучены УСК, ставшие предметом описания в «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского, а также приемы и способы их лексикографической интерпретации.

Устойчивые свёрхсловные комплексы, отраженные словарем Срезневского, разнообразны и разнотипны; многие из этих единиц находятся еще в процессе фразеологизации, т. е. в переходном состоянии от свободного сочетания к устойчивому, некоторые не имеют аналогов в современном языке, далеко не для всех лингвистический статус вообще может быть четко определен. Анализ материала показал, что в словаре получили описание такие типы УСК, как традиционные формульные сочетания, переводные эквиваленты определенных греческих слов и выражений, устойчивые предложно-падежные сочетания, образные фразеологические сочетания метафорического характера, номинативные словосочетания и терминосочетания, составные имена собственные, пословично-поговорочные выражения.

Соотнесение этого исторического материала с современным особенно сложно, притом что на настоящий момент в связи со спорностью объема фразеологии (широкое или узкое понимание) отсутствует единая классификация фразеологических единиц и для современного русского языка. В качестве основных структурных типов при широком понимании фразеологии выделяются обороты, соответствующие словосочетанию (фразеологические сочетания) и предложению (фразеологические выражения). Эти типы могут быть выделены и среди УСК в словаре Срезневского, но корреляция не прямая (так, выражениями на историческом материале являются только пословицы и поговорки, но не крылатые слова). Есть и спорные разряды устойчивых сочетаний: например, только при широком понимании объема фразеологии в него включаются составные термины. Еще более дискуссионным является разряд устойчивых предложно-падежных сочетаний, лексико-грамматический статус которых не определен и в современной лексикологии и фразеологии; А. А. Пасечник отмечает, что на настоящий момент существует два подхода к определению этих единиц: как единиц фразеологической системы языка (работы В. П. Жукова, И. А. Мельчука, А. И. Молоткова, В. Н. Телии и др.) или единиц лексической системы языка (работы Ю. Д. Апресяна, Н. С. Валгиной, Р. П. Рогожниковой) [Пасечник 2005: 2]. Не имеют аналогов в современных классификациях выделяемые в истории языка традиционные формульные сочетания и соответствия определенным греческим эквивалентам.

Говоря о представлении УСК в словаре Срезневского, следует иметь в виду особенности этого лексикографического труда.

Принципиально важен факт полноты и разнообразия языковой базы «Материалов для словаря древнерусского языка». Сам Срезневский придавал очень большое значение полноте своего лексикографического труда:

Данные, вошедшие в мой словарь, извлечены из всех памятников нашей древности, дошедших до нас в подлиннике или списках... Не смею думать о совершенной полноте моего труда; тем не менее хотелось бы достигнуть всего по моим силам и средствам возможного [С, 1: III].

Ученый понимал, что только тезаурус, т. е. стремящийся к охвату всех письменных свидетельств свод, может претендовать на научную объективность, и стремился представить все богатство лингвистических данных, обнаруженное в источниках. Сравнивая словарь Срезневского с одновременными ему славянскими лексикографическими произведениями (а это труды И. Добровского, В. Караджича, С. Линде, В. И. Даля, Н. Герова и др.), О. П. Лопутько приходит к выводу, что

отталкиваясь от описательно-эмпирических и аналитических методов представления языкового и этнокультурного материала других лексикографов Славянского возрождения, Срезневский пошел по пути лингвистического синтеза того богатого и разнородного материала, который был и в его распоряжении [Лопутько 2014: 147].

Этот подход полноты и всеохватности напрямую сказывается и на представлении в словаре УСК. Лингвистический синтез проявляется в том, что предметом описания в словаре Срезневского становится достаточно разнообразный материал: это УСК самого разного типа, выделяемые ученым в памятниках, различных по жанру и по языковому составу. Напр., в словарной статье на слово *домъ* приводятся и составное наименование, являющееся переводом греческого соответствия в одной из древнейших церковнославянских рукописей, и устойчивое предложно-падежное сочетание *на домъ*, зафиксированное в летописи, и собственно фразеологизм *своимъ домом* 'ведя отдельное хозяйство' (возможно, являющийся клише деловой письменности), т. е. разные по типу устойчивые сочетания иллюстрируются контекстами из разножанровых и генетически разнородных памятников письменности старшего периода для воссоздания полной истории слова, см.

домъ дѣвичь — парсевокоція; — Храмы на пищѣ оубогимъ, и на приатиѣ оубогъ-имъ, домове дѣвичии. *Гр. Наз XI в. 52.*

на домъ: — Ъна же (Ольга), хотѣщи домови, приде къ патреарху, благслвныя прослщи на домъ (на путь домой? дому?). *Пов. вр. л. 6463 г.*

своимъ домомъ: — А которая вдова не отъ церкви Божии питается, а живетъ своимъ домомъ, то судъ не святительской. *Судебн. 1497 г. [С, 1: стб. 702]¹.*

Другая существенная особенность «Материалов для словаря древнерусского языка» — текстовый подход Срезневского к истории языка. Еще в «Мыслях по истории русского языка» в качестве одного из важных направлений исследования языка в диахронии обозначено составление словоуказателей и словарей отдельных памятников, и эта работа была начата ученым и его учениками. Срезневский идет от текста, и именно текстовая история слова становится основой описания слова в языке. Ф. П. Сороколетов подчеркивает, что в словаре Срезневского «история заменяется применением... история слова дается через сравнение контекстов» [Сороколетов 1998: 193]. Поэтому и УСК описываются в рамках не определенных значений слов, а контекстов, иллюстрирующих функциональную историю и семантику слова в древних памятниках:

¹ При ссылке на «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского дается номер тома и столбца. Толкование приводится в современной орфографии.

водити, вожду = вожу — водить, ducere: — Дхомъ Божиємъ водими соуть. *Изб. 1073 г.*

водити ротѣ — приводить к клятве: — Сѡлга водиша и мужии его на роту. *Пов. вр. л. 6415 г. (по Ип. сн.)*. Твои сли водили суть црѣ наши ротѣ. и насѣ послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ. *т. ж. 6453 г. (по Лавр. сн.)*.

водити судъ: — А за рубежь изъ Новгородьской волости твоимъ дворяномъ суда не водити. *Дог. гр. Новг. с в. к. Мих. Яр. о. 1307 г.*

водити съ собою: — А однаво господине князь великии почнетъ водить съ собою отца моего и тобѣ... отца моего отчина дати мнѣ. *Дог. гр. кн. Ив. Вас. и Мож. кн. Ив. Андр. 1461 г.*

водити въ ростѣхъ — отдавать на проценты: — Тѣ бы денги мнѣ велѣти имъ водити въ людехъ въ ростѣхъ, да тѣ бы росты имъ велѣти мнѣ имъ давати. *Жал. гр. в. к. Вас. Ив. 1512 г.*

водити жену — иметь жену, жениться: — Аще кто двѣ женѣ держитъ, епспоу •м• гривенъ. А которая подлегла та поняти в домъ црквнѣ. а первую держитъ по закону. А иметь лихо водити ю казнью казнити его. *Црк. Уст. в. к. Яросл. 1051–1054 г.* Первая тяжа распустъ; другая тяжа ажъ водить кто двѣ жонѣ кѣдати. *Уст. гр. Смол. 1150 г.* Да всякъ члкъ иже водити хоцеть жену, да ю водить по закону. *Жит. Андр. Юр. XXXI. 149. [С, 1: стб. 277–278].*

Наконец, важно отношение Срезневского к языку как к хранилищу культурной информации. В своих лекциях ученый определяет филологию как «человечную» (гуманитарную) науку, изучающую духовную жизнь человека:

Филология, если понимать ее в настоящем смысле, наука по преимуществу человеческая, humanior: мы хотим знать человечество; а чтобы узнать его, важнее всего узнать его духовную жизнь, его мыслительность, следовательно, язык, потому что ни в чем так полно, так глубоко не выражается мыслительность и духовная жизнь, как в языке [Срезневский 1959: 94].

Соответственно, и через устойчивые сочетания, такие сгустки национальной культуры, как фразеологизмы, Срезневский стремился показать жизнь и историю народа: напр., *Недрѣманьноѣ око* ‘так называется образ возлежащего Спасителя-младенца; известен раскольникам и находится в Афонском монастыре’ [С, 2: стб. 378], *Железные полкъ* ‘у немцев как особое название — рыцари’ [С, 1: стб. 852–853], *горлатныя шапки* ‘высокие меховые шапки, на которые употреблялся мех от горла зверя’ [С, 1: стб. 554], *новии (мѣсяць)* ‘первая половина месяца в противоположность ветхому — второй половине месяца по монгольскому счислению’ [С, 2: стб. 461]. Так, анализируя устойчивые сочетания со словом *Бог* в словаре Срезневского, О.В.Никитин пишет, что «И.И.Срезневский фиксирует имевшиеся в книжной практике устойчивые сочетания, что явно свидетельствует о высоком культурно-историческом значении этого слова, его употребительности за пределами церковной письменности, расширении палитры его смыслов» и делает вывод, что это слово выступает как «культурная константа словаря И.И.Срезневского» [Никитин 2012: 78]. Отношение к языку как к инструменту познания культуры, истории и менталитета народа — принципиальная позиция ученого: «Говорить ли о важности истории русского языка... В отношении этнографическом она пособие для объяснения судеб быта народа» [Срезневский 1959: 26].

Анализируя натуралистическую концепцию Срезневского как филолога, Лопутько обращает внимание на то, что «аналитический метод европейских славистов у И. И. Срезневского сменяется историческим синтезом в культурологически наполненной семасиологии, указывающей новые пути лингвистике будущего» [Лопутько 2014: 148]. Такой синтетический подход оказывается очень актуальным на современном этапе развития исторической фразеологии и фразеографии. Исследователи настаивают на включении в исторические фразеологические и паремиологические словари культурно значимой информации: о совершенствовании «культурологического (resp. историко-этимологического) параметра словарей пословиц и поговорок» пишет В. М. Мокиенко [Мокиенко 2013: 127]; М. Л. Ковшова определяет создание равноуровневого культурологического комментария как насущное требование современной науки и подчеркивает, что «описание фразеологизмов как знаков языка и культуры отвечает одной из важных задач лексикографии XXI в. — «вжиться» в процесс референции языкового знака к предметной области культуры и эксплицировать этот процесс в словаре» [Ковшова 2021: 324–325].

Типология устойчивых сверхсловных комплексов, представленных в словаре Срезневского

Традиционные формулы

Самая многочисленная группа фиксируемых в словаре «выражений» — это УСК, представляющие собой формулы, т. е. типовые словосочетания, употребляемые в конкретных ситуациях. Формула всегда связана с ритуальной ситуацией, «чем и обеспечивалась столь высокая ее значимость в языковой жизни старшей эпохи» [Лопутько 2012: 39]. Традиционные формулы характерны для текстов русского языка старшего периода во многом благодаря связи этих единств с таким онтологическим свойством древнего языка, как семантический синкретизм. М. В. Пименовой в процессе разработки принципов древнерусского фразеологического словаря для обозначения устойчивых сочетаний этого периода было предложено понятие «синкретема», отличительной чертой которой является синкретичное значение, отражающее древнюю концептуальную форму русской ментальности — ментализацию [Пименова 2020: 179]. Исследователи отмечают, что древнерусские формулы проходят сложную историю развития: появившись как средство экспликации новых для языка значений, в момент своего разрушения они превращаются в стилистическое средство [Колесов 1989: 137]. Такие клише («своего рода речевые штампы» [Лаптева 1959: 73], «традиционные ситуативные формулы» [Творогов 1964: 32], «словосочетания-штампы, словосочетания-клише» [Кандаурова 1970: 119], «фразеологические историзмы, узуально устойчивые сочетания» [Любимова 2009: 137] и др. — достаточно полный обзор терминологии для называния этого лингвистического явления см. в [Зайнуллина 2013: 82]), привлекали внимание исследователей начиная с XIX в. Срезневский одним из первых выделил формулы, встречаемые в текстах старшего периода, и предпринял их словарное описание. Значительное количество таких сочетаний в «Материалах для словаря древнерусского языка» обусловлено спецификой древнерусских текстов и лексикографической позицией Срезневского.

Основное место занимают УСК, являющиеся наполнением летописных и деловых формул, поскольку летописные своды и договорные грамоты были важным источником словаря. В ряде толкований Срезневский прямо называет формулы «выражениями», подчеркивая их устойчивость, фразеологизированность, клишированность: см. *куда плугъ ходилъ* ‘где пахано — обычное выражение при определении пахотных угодий’ [С, 2: стб. 971], *цѣлымъ умомъ* ‘в полном разуме (обычное выражение завещаний)’ [С, 3: стб. 1456], *отъчина* ‘наследственное обладание (в выражении *отъчина и дѣдина*)’ [С, 2: стб. 832], *доньдеже сѣлныце сияѣтъ и всѣхъ миръ стоить* ‘выражение мирных договоров для определения вечной их нерушимости’ [С, 3: стб. 734].

Существенную часть летописных устойчивых сочетаний составляют воинские формулы: *заити мечемъ* ‘завоевать’ [С, 2: стб. 132], *миръ творити* ‘заключать мир’ [С, 3: стб. 935], *миръ взяти* ‘примириться, заключить мир’ [С, 2: стб. 150], *отворити городи отворити ворота* ‘открыть осажденный город в знак сдачи или мира’ [С, 2: стб. 757], *на щитъ дати, въдати, възати* ‘в добычу отдать, взять’ [С, 3: стб. 1610], *сѣсти на щитъ* ‘сдаться’ [С, 3: стб. 1611], *сѣмолвити въ любовь* ‘помирить’ [С, 2: стб. 90] и т. д. Немало и специфических деловых формул; напр., *цѣловати крестъ на комъ* ‘присягать кому’, *цѣловати крестъ на чемъ* ‘клясться в чем’ [С, 2: стб. 265], *надѣ головою сидѣти* ‘при писании духовной’ [С, 1: стб. 543], *вынати на руку* ‘взять на поруки’ [С, 3: стб. 192], *лѣзти въ поле* ‘идти на поединок для доказательства правоты, по решению суда’ [С, 2: стб. 70], *крѣсть прѣступати* ‘изменять присяге’ [С, 1: стб. 1348]. Фиксируются и усилительные, плеонастические сочетания, составляющие особенность лексико-семантической системы русского языка донационального периода: напр., *навести наводѣку* ‘донести’, *наводити наводѣку* ‘доносить’ [С, 2: стб. 268–269].

Описаны в словаре и этикетные клише, причем Срезневский и толкует такие единства как формулы, описывая их стереотипность и воспроизводимость в определенных ситуациях, контекстах: напр., *Божиею милостию* ‘начальные слова в царских, королевских и великокняжеских титулах’ [С, 2: стб. 137], *наше царство* ‘вм. местоимения, заменяющего сл. *царь*’ [С, 3: стб. 1434]. В грамматическом отношении формулы в большинстве своем представляют собой глагольные сочетания: напр., *ловы дѣяти, ловы творити* ‘охотиться’ [С, 2: стб. 39], *нелюбие дѣржати на кого, до кого* ‘иметь неудовольствие против кого’, *възвергнути нелюбие* ‘иметь неприязнь’, *въ нелюбие поимати* ‘относиться неприязненно’ [С, 2: стб. 394], *руку възложити* ‘благословить’ [С, 3: стб. 189] и многие другие. Именные клише фиксируются в меньшем объеме: напр., *отъци и дѣди* ‘отцы, предки’ [С, 2: стб. 828], *послѣдняя речъ* ‘последнее слово, ультиматум’ [С, 3: стб. 224].

Устойчивые предложно-падежные сочетания

Вторую значительную по количеству группу УСК составляют устойчивые предложно-падежные сочетания с единым значением: *въ опришьниннѣ* ‘в особенности, особенно’ [С, 2: стб. 694], *безъ отъдатѣка* ‘без исключения’ [С, 2: стб. 785], и др. Это множество разнородно по своему составу: одни такие выражения, выделяемые Срезневским, ближе к свободным сочетаниям (*безъ скудости* ‘сполна, без пропусков’ [С, 3: стб. 394], *въ мѣру* ‘немного, умеренно’ [С, 2: стб. 243], *на послѣдъ*

‘под конец, напоследок’ [С, 2: стб. 1245]), другие обладают большим или меньшим семантическим сдвигом (*по плъти* ‘по родству’ [С, 2: стб. 973], *на души* ‘при составлении духовного завещания’ [С, 1: стб. 750], *безъ ума* ‘напрасно, без причины’ [С, 1: стб. 67]); одни ближе к будущим наречиям (*безъ года* ‘невовремя’ [С, 1: стб. 539]), другие — к служебным словам (*въ наслѣдїе* ‘для того, чтобы достигнуть, получить награду’ [С, 2: стб. 333]).

Именно к устойчивым предложно-падежным сочетаниям в первую очередь и относятся размышления Срезневского по поводу того, являются ли они «нераздельными сложными словами» [Срезневский 1986: 150], а также призыв историка языка «обратить внимание... что есть такие выражения, которые кажутся нераздельными словами и которые, однако, должны быть рассматриваемы только как нераздельные сочетания нескольких слов» [Срезневский 1986: 133]. Действительно, с одной стороны, эти единицы функционируют как единое семантическое целое, т.е. имеют признаки слова, с другой стороны, обнаруживают разную степень устойчивости. Уже в «Словаре Академии Российской» описание таких выражений дифференцируется, некоторые выделяются и описываются с пометой «в образе наречия» [САР]. Но и на современном этапе развития науки в лингвистике нет однозначного понимания лексико-грамматического статуса этих единиц, в связи с чем и на настоящий момент дискуссионно включение устойчивых предложно-падежных сочетаний в корпус фразеологизмов и не решен и вопрос их лексикографической интерпретации (см. подробнее [Генералова 2021]). Срезневский ясно чувствовал фразеологизованность таких выражений и их значимость для семантической истории слова, поэтому широко выделял их. Но через такие сочетания исследователь преподносит функционирование лексических единиц. С учетом такого подхода и специфики исторического словаря как типа (многие явления наблюдаем в динамике и сложно говорить об окончательном результате) Срезневский не дифференцирует эти сочетания и не обозначает (как это было сделано в толковой лексикографии XIX века) базу будущих наречий русского языка, а ставит целью прежде всего максимально широко выделить и описать эти УСК.

Устойчивые переводные эквиваленты

Особое внимание в словаре уделено сочетаниям, представляющим собой однословные соответствия греческим обозначениям (расчлененные наименования единых понятий): *въ утробѣ баснь, утробьные басни* ‘чревовещание, ἐγγαστήριον, ventriloquus’ [С, 1: стб. 45], *нелъно съдѣяти* ‘ἀσχημονεῖν’ [С, 2: стб. 394], *дѣлатель виноградьныйи* ‘ἀμπελουργός’ и *дѣло виноградьное* ‘ἀμπελουργία’ [С, 1: стб. 261], *отьцемъ старѣишина* ‘πατριάρχης’ [С, 2: стб. 829], *на мужа зѣлобѣ* ‘ἀνδρομανία’ [С, 1: стб. 1001] и др.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» эти сочетания в качестве толкования часто имеют только греческий коррелят: напр., «любъзна прѣмудрость — φιλοσοφία: — Спѣюща на лъбъзнѣхъ прѣмѣдрость. *Гр. Наз. XI в. 45*» [С, 2: стб. 91], *конецъ градъныйи* — ἀκρόπολις: — *Отъ того въсе оставъшею, акы и отъ коньца граднаго обьтекъть. Гр. Наз. XI в. 83*» [С, 1: стб. 576].

Идиоматические выражения

Безусловно, фиксируются Срезневским и собственно идиоматические выражения, т. е. образные устойчивые сочетания, фразеологизмы в современном узком понимании, ядро фразеологического фонда любого языка: напр., *идти къ Богови* 'умереть' [С, 1: стб. 138], *языкомъ недовольнии* 'косноязычный' [С, 2: стб. 374], *послѣдъ къ дни* 'недавнее время' [С, 2: стб. 1245], *отъ года до года* 'всегда, постоянно' [С, 1: стб. 538], *не въ раду сътворити* 'пренебречь' [С, 3: стб. 231], *въ недомысль быти* 'отчаиваться, сомневаться' [С, 2: стб. 375], *отъ младъ ногтии* = *изъ младъ ногтии* 'с детского, с юношеского возраста' [С, 2: стб. 463], *одинъ человекъ быти* 'стоять за одно, быть в союзе' [С, 3: стб. 1494] и др. Эти выражения сопровождаются толкованием (без которого непонятен семантический сдвиг), но не выделяются никаким специальным знаком. Вообще говоря, в ряде случаев такие устойчивые сочетания трудно отделить от традиционных формул; собственно, часть из них формулами и является (напр., *подль стръмень ѣздити* 'следовать за кем для исполнения приказаний' [С, 3: стб. 566], *ходити говяюще* 'жить целомудренно' [С, 3: стб. 1381]), и в этом специфика фразеологии древнего периода.

Составные наименования и терминосочетания

Достаточно полно выделяются и подробно описываются в словаре составные термины и номенклатурные названия. Среди них немало юридических и деловых терминов (напр., *бълое мѣсто* 'юр. терм.' [С, 1: стб. 219], *пшеница полюдьяная* 'особый вид подати' [С, 2: стб. 1780], в том числе обозначения различных социальных категорий (*люди бояръстии* 'homines officiales bojarum' [С, 1: стб. 163], *нерублении люди* 'добровольцы, вольное войско' [С, 2: стб. 424] от глагола *рубити* 'набирать войско') и т. п. Но наряду с деловыми фиксируются и другие словосочетания — обозначения реалий (напр., *новою лѣто* 'вновь наступивший год, новый год' [С, 2: стб. 461], *поводьнии конь* 'запасной конь, которого ведут в поводу' [С, 2: стб. 1000], *особьнии монастырь* 'монастырь, где каждый из братии жил на своем иждивении' [С, 2: стб. 733]), в частности составные названия животных (*морская свиния* 'δελφίς' [С, 2: стб. 176]) и растений (*трава мыльная* 'ῥισωπος' [С, 2: стб. 216]).

Среди таких сочетаний есть и обороты минимальной степени устойчивости, возникающие на основе несвободной лексической сочетаемости входящих в них лексем и допускающие варьирование компонентов, связанных отношениями соположения. Иногда такие единицы даются в виде открытого ряда: напр., в статье *мѣсто* на значение 'земля' дан ряд *мѣста беспеньная, бѣлая, отъмѣньная, отъѣздьяная, слободьская* и др. [С, 2: стб. 247]. Но чаще каждое из таких сочетаний Срезневский описывает отдельно: напр., названия отдельных видов деловых документов *грамота миродокончаньяная* 'мирный договор' (в статье *миродокончаньянии*) [С, 2: стб. 146], *сѣкладьяная грамота* 'грамота с объявлением войны' в статье *сѣкладьянии* [С, 3: стб. 716] и т. д.

Часть составных наименований не семантизирована: напр., устойчивое сочетание *луньское сукно* дано без толкования в статье на прилагательное *луньскими* 'английский' [С, 2: стб. 55]. К другим, напротив, приводится подробное объяснение, и нередко именно толкования составных наименований и терминов содержат

энциклопедический элемент: *посадьникъ степенный* ‘посадник, находящийся при исполнении должности’ [С, 2: стб. 229], *минеи мѣсячныи* ‘сборник песнопений во славу святых, расположенный в порядке празднования их памяти’ [С, 2: стб. 143]. В этом принципиальная позиция Срезневского, считавшего лингвистические толкования недостаточно информативными в историческом словаре: «Ясно сознавая различие между энциклопедическим и филологическим объяснениями слова, Срезневский выступает против тех, кто стремится освободить филологический словарь от энциклопедизма, сделать его формально “лексическим”» [Сороколетов 1998: 197]. Впоследствии о необходимости «расширить и дополнить узко-филологическую обработку материала... экскурсами реально-энциклопедического характера, привлечением данных истории материальной культуры, хозяйства общественного строя и истории мировоззрения русского средневековья» [Ларин 1936: 15] в своем «Проекте Древнерусского словаря» писал другой представитель Петербургской филологической школы Б. А. Ларин. Но фактически вопросы комбинирования лингвистической и энциклопедической информации в историческом словаре (включая научное иллюстрирование статей) не решены окончательно и сегодня; при этом тенденция сближения лингвистической и энциклопедической информации в словарях отмечается как характерная в целом для современного этапа развития отечественной лексикографии [Козырев, Черняк 2021: 13].

Составные имена собственные

В качестве УСК в словарь включены и состоящие из нескольких слов имена собственные, и это яркая особенность «Материалов для словаря древнерусского языка». В словаре описываются составные названия богослужебных книг и их частей (*Притѣча Соломона* ‘одна из книг Ветхого завета’ [С, 2: стб. 1482], *Мѣрило правдыноу* ‘название книги, сборника правоведных статей’ [С, 2: стб. 243], *Лѣтописыць великыя горы* ‘из числа книг нового закона (от апостольских заповедей)’ [С, 2: стб. 79]), названия икон (*Недрѣманьноу око* ‘так называется образ возлежащего Спасителя-младенца; известен раскольникам и находится в Афонском монастыре’ [С, 2: стб. 378]), названия отдельных календарных периодов и праздников (*Похвальная недѣля* ‘6-я неделя Великого поста’ [С, 2: стб. 1315], *Цвѣтъная недѣля* ‘вербное воскресенье’ [С, 3: стб. 1438]).

Кроме того, в словарь включены составные топонимы: *Березово поле* ‘местность у Ниж. Новгорода’ [С, 1: стб. 70], *Борсуковъ дѣль* ‘часть Горного хребта в Карпатских горах’ [С, 1: стб. 155], *Кривыи Бѣлокъ* ‘название местности’ [С, 1: стб. 1321], в том числе и микротопонимы (*Нутьная улица* ‘в Новгороде — улица, где первоначально продавался рогатый скот’ от *нутьныи* ‘относящийся к рогатому скоту’ [С, 2: стб. 477]), и др. Цель лексикографа понятна: в составе сложных топонимов показано функционирование апеллятивов, в частности относительных и притяжательных прилагательных, не всегда зафиксированных в памятниках. Ономастику Срезневский считал важнейшим ресурсом изучения истории языка и не мог не включить ее в исторический словарь, стремясь к описанию всех дошедших языковых фактов.

Паремиологические выражения

Поскольку основной целью фиксации УСК в «Материалах для словаря древнерусского языка» является показ семантической истории слова через его функционирование в древних текстах, то и фразеологические выражения пословично-поговорочного характера при наличии контекста, фиксирующего их, также описываются в словаре. Напр., приводится поговорка, отмеченная в Новгородской летописи: *Твои мечь, а наши головы (поговорка)* [С, 2: стб. 132]. Паремиологические выражения даются и в составе памятников, в которых получили фиксацию, см.: *Птица бо радуется веснь, а младенец матери (Сл. Дан. Зат.), Младенец не разумьеть, а мертвец не чуеть. (Поуч. свящ. ок 1499 г. 163)* [С, 2: стб. 156]. Срезневский также приводит пословицы для подтверждения значения слова, см.: *баба 'ворожея' ... На двое баба ворожила. (Послов.)* [С, 1: стб. 37].

Лексикографическое представление сверхсловных единств в словаре Срезневского

Говоря о лексикографической интерпретации фразеологического материала в словаре Срезневского, следует иметь в виду, что издание словаря было посмертным, т. е. воля автора и решение издателей (при всем их бережном отношении к издаваемому лексикону) могли в отдельных случаях по каким-то причинам не совпасть. Тем не менее важно рассмотреть и конкретные лексикографические приемы представления УСК в словаре как первые шаги в отношении диахронического словарного описания фразеологического материала старшего периода.

УСК почти всегда даются в статьях на полнозначные слова для иллюстрации функционирования лексемы. В словаре лишь несколько редких исключений из этого правила: напр., вынесено в заголовок и дано отдельной словарной статьей устойчивое сочетание *Максимъ исповьдникъ* 'книга из числа книг нового закона (от апостольских заповедей)' [С, 2: стб. 102]. Специального шрифта, как и особого условного знака, для устойчивых сочетаний в «Материалах для словаря древнерусского языка» нет. Они выделены разрядкой, но это не шрифт для показа фразеологии (как в выходящих в настоящее время многотомных исторических словарях русского языка), разрядка используется также для выделения субстантивов и особого управления лексем.

УСК не всегда получают толкование, целый ряд конструкций не толкуется: напр., *за ѳединъ братъ* [С, 1: стб. 173], *лихо сердце держати* [С, 2: стб. 30], *стысти на грамоть* [С, 1: стб. 583], *крестное братство* [С, 1: стб. 173–174]. Во многих случаях толкование оборота непосредственно связано с толкованием слова, в этом и проявляется текстовый подход Срезневского, и контекст с соответствующим выражением иллюстрирует определенное значение лексемы: напр., в словарной статье *рука* на значение 'договор' приводится устойчивое сочетание *миръная рука* [С, 3: стб. 191], в словарной статье *слово* на значение 'ответ' приводится устойчивое сочетание *дати слово* с толкованием 'дать ответ' [С, 3: стб. 419]. В других случаях толкования УСК демонстрируют семантические приращения, возникающие при функционировании слова в конкретных комбинациях: напр., разные устойчивые сочетания с глаголом *творити*, иллюстрируя значение глагола 'совершить', показывают

специфические реализации этой семантики: *миръ творити* 'заключать мир', *пѣснь творити* 'воспевать' [С, 3: стб. 935]. Выражения, являющиеся переводами греческих соответствий, как правило, объяснены с помощью греческого эквивалента. В редчайших случаях выражение семантизируется изображением: см. *крѣсть съ ограждениємь* [С, 2: стб. 610], *со облачкомъ* 'крюковой знак' [С, 2: стб. 518] (ср. единичные статьи *говядина* [Даль 2007, 1: 364] и *шляпа* [Даль 2007, 4: 650], снабженные рисунками, в словаре современника Срезневского В. И. Даля).

Многозначность УСК показана так же, как и полисемия слов: последовательными длинными тире. Напр., для предложно-падежного сочетания *изъ лиха* приводятся значения 'больше', 'более, особенно', 'очень, чрезвычайно' [С, 2: стб. 30]; для выражения *челомъ бити* — 'кланяться земно', 'просить', *челом бити на кого* 'жаловаться' и т. п. [С, 3: стб. 1488]. Каждое из значений УСК подтверждается цитатами (принципиальное для исторической лексикографии положение).

Грамматическая характеристика фразеологизированным сочетаниям не дается. Вообще, автор прежде всего стремится показать функционирование языка, а не дать классификацию или исчерпывающую лингвистическую характеристику языковых единиц. Так, Срезневский не восстанавливает догматически начальный вид формулы, напротив, его интересует прежде всего словесное выражение определенного понятия, т. е. следует говорить о первичности для ученого смысла, а не устойчивости внешней оболочки. Именно поэтому в контекстах сочетания могут варьироваться, несколько видоизменяться. Напр., формулы *слати о миру* = *послати по миръ* 'предлагать мир' [С, 2: стб. 150] даны как синонимы, несмотря на разницу не только в управлении, но и в грамматическом виде.

Непростой для лексикографов вопрос, на какой компонент размещать УСК, решается в словаре Срезневского не очень последовательно. Это наглядно видно при рассмотрении адъективно-субстантивных сочетаний: выражения *люди бояръстии* 'homines officiales bojarum' [С, 1: стб. 163], *рѣзаныя деньги* 'мелкая монета, резана' [С, 3: стб. 218] даны в статьях на соответствующее прилагательное, а выражения *Божии дворянинъ* 'рыцарь' [С, 1: стб. 647], *мѣры земьныя* 'геометрия' [С, 2: стб. 243], *чловѣкъ Божии* 'праведник' [С, 3: стб. 1535] — на существительное. В словарной статье *пошьлина* приведены устойчивые сочетания *пошьлины городьскыя*, *пошьлина цѣрковьяная*, *пошьлина судовая* = *судьяная* 'судебная пошлина', *пошьлина полевая* 'судебная пошлина при решении дела поединком' [С, 2: стб. 1334–1335], а другие названия податей перенесены в статьи на прилагательное: *пошьлина вѣсчая*, *пошьлина дворовая*, *пошьлина поплашьная*. Формула *цѣловати крѣсть на чемъ* находится в статье на предлог *на*; целый ряд предложно-падежных сочетаний собран в статье на глагол *быть*, и т. п.

Вопрос места фразеологизмов в словаре не имеет единого практического лексикографического решения до сих пор, здесь непоследовательны и современные исторические словари. В противоречие вступают разные принципы. С точки зрения общей лексикологии и лексикографической системности закономерно и логично представление, в частности, адъективно-субстантивных сочетаний в статье на существительное, так как существительное — это главный компонент, который является стержневым и контекстообразующим. С другой стороны, несущим основную смысловую нагрузку в связи с описанием им дифференциального признака обычно является несвободный компонент, и представление УСК в статье на прила-

гательное дает возможность понять ход семантической эволюции в слове и основание номинации, кроме того, может быть оправдано по техническим соображениям в многотомных изданиях, когда несвободный компонент оказывается по алфавиту предшествующим существительному в еще не вышедших выпусках. В современной толковой и исторической лексикографии место фразеологизма обычно определяется в зависимости от того, какой компонент, как представляется, несет основную смысловую нагрузку, однако и этот принцип не однозначен и не всегда проводится последовательно.

Непростым вопросом и для современной, и особенно для исторической фразеологии является вопрос о вариантах фразеологизма и фразеологических синонимах. Широкая вариантность на самых разных языковых уровнях — особенность функционирования лексико-семантической системы языка донационального периода. Для Срезневского, очевидно, решающим критерием при объединении УСК является семантический, а не формальный признак. Некоторые обороты в словаре представлены как дублеты; они даны за знаком «равно»: *безаконьно разоумьниѣ = безаконьни разоуми* 'хула, βλαστηρία' [С, 1: стб. 49], *Бурмицкия = бурминския = бурмыжския зерна* 'жемчуг' [С, 1: стб. 193], *томь часть = въ тыи часы = тыми часы* 'тотчас, в скором времени' [С, 3: стб. 1071], *посльдьнии днь = посльдьнии дњи* 'конец мира, день Страшного суда' [С, 2: стб. 1246] (при этом с точки зрения современной фразеологии, напр., последнее соотношение будет интерпретировано как морфологические варианты фразеологической единицы). Иногда с помощью знака «равно» показана взаимозаменяемость одного из компонентов УСК: *дати = въдати = прьдати на руцѣ* 'передать, поручить' [С, 3: стб. 191]. Другие устойчивые сочетания с одним значением приводятся через запятую, здесь, очевидно, можно говорить о вариантах. Среди них в словаре зафиксированы варианты лексические: *кого Богъ отведетъ, Богъ отъиметъ* 'кто умрет' [С, 1: стб. 138], *изъ начала, отъ начала* 'искони' [С, 2: стб. 348], *образъ чьрничьскыи, мнишьскыи образъ* 'монашеский сан' [С, 2: стб. 541], фонетические: *съобьща = съобча* 'вместе, сообща' [С, 2: стб. 581], морфологические: *по своєї воли, своєю волею* 'свободно, добровольно' [С, 1: стб. 299], *по души, за душу, души* 'за упокой' [С, 1: стб. 750], морфолого-синтаксические: *Богъ судия, да судитъ Богъ, суди Богъ* [С, 1: стб. 139].

Таким образом, в словаре Срезневского уже выработаны определенные конкретные принципы лексикографирования УСК прошлых эпох, а также обозначены спорные вопросы словарного представления фразеологического материала, которые далее становятся предметом активного обсуждения лексикографов XX и XXI веков.

Заключение

В отношении становления словарного дела «Материалы для словаря древнерусского языка» Срезневского являются не только одним из первых исторических и одним из немногих завершенных диахронических словарей русского языка, но и предтечей исторической фразеологии, поскольку это опыт представления собственно диахронического состояния — фразеологического фонда языка старшего периода. В отечественной лексикографии поставлена наконец задача описания лексики и фразеологии определенной исторической эпохи по письменным

свидетельствам (а не в составе лексикона современного языка и не наряду с ним). Как представитель Петербургской филологической школы, Срезневский в своем труде исходил из принципов историзма, полноты и семантизма. Определяющими для Срезневского при интерпретации языкового материала также являются текстовый, функциональный подход и натуралистическая концепция языка как отражения духа и менталитета народа. Сочетание этих положений, а также идеи Срезневского о фразеологизации словосочетаний обусловили специфику представления в словаре фразеологического материала.

Анализ представленных в «Материалах для словаря древнерусского языка» УСК позволил сделать вывод о стремлении лексикографа к максимальной полноте охвата всех сверхсловных единств, зафиксированных в источниках словаря, независимо от степени их фразеологизированности и лингвистического статуса. Ученый пошел по синкретическому пути, стремясь исчерпывающе представить встреченные в памятниках древнерусской книжности УСК. В итоге словарное описание получили самые разные типы: идиоматика, переводные эквиваленты определенных греческих слов и выражений, традиционные летописные, деловые и этикетные формулы, сложные наименования (терминосочетания), составные имена собственные, устойчивые предложно-падежные сочетания, паремиологические выражения.

Существенно, что в «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневским были впервые разработаны приемы отбора и лексикографирования известных в языке прошлых эпох устойчивых сочетаний; позднее эти приемы были использованы в исторических словарях русского языка разных типов.

В конкретной практике словарного описания устойчивых оборотов прошлого Срезневским были выявлены и дискуссионные аспекты представления фразеологического материала в диахронии, а именно: принципы отбора и толкования УСК, в частности вопрос о включении устойчивых предложно-падежных сочетаний, составных имен собственных, паремий; комбинация лингвистических и энциклопедических элементов в толковании (особенно составных наименований); представление широкой вариативности и синонимии фразеологии в диахронии; место устойчивых сочетаний в словарной статье и др.

Таким образом, «Материалы для словаря древнерусского языка» Срезневского можно по праву назвать началом славяно-русской исторической фразеологии; учет оригинальной концепции и опыта этого словаря, несомненно, необходим при решении актуальной задачи современной науки — создания исторического фразеологического словаря русского языка.

Словари и справочные издания

- Даль 2007 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык — Медиа, 2007.
- Палевская 1980 — Палевская М. Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. Кишинев: Штиинца, 1980.
- САР — Словарь Академии Российской, 1789–1794: в 6 т. [Переизд.] М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006.
- С — Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. Т. 1. 1893. Т. 2. 1902. Т. 3. 1912.
- Ушаков 1935–1940 — Толковый словарь русского языка: в 4 т. Ушаков Д. Н. (ред.). М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

- Шулежкова 2010 — Фразеологический словарь старославянского языка. Шулежкова С. Г. (отв. ред.). М.: Флинта; Наука, 2010.
- Шулежкова 2020 — Большой фразеологический словарь старославянского языка. Т. 1. Шулежкова С. Г. (гл. ред.). М.: Флинта, 2020.

Литература

- Айолло 1961 — Айолло Б. Г. Из истории изучения фразеологии в русском языкознании. *Ученые записки Азербайджанского педагогического института языков*. Серия: Филологические науки. 1961, (9): 189–195.
- Биржакова 1965 — Биржакова Е. Э. Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. В сб.: *Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII в*. Сорокин Ю. С. (отв. ред.). М.; Л.: АН СССР, 1965. С. 251–270.
- Бирх 2016 — Бирх А. К. Словарь русской фразеологии (принципы и задачи составления). В сб.: *Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения: Материалы Междунар. науч. конф. 12–14 декабря 2016 г.* Каленчук М. Л. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 19–22.
- Веколова 2015 — Веколова А. Ю. «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского как источник диахронического изучения субстантивного словообразования. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 2: Языкознание. 2015, 5 (29): 147–152.
- Генералова 2018 — Генералова Е. В. Русская историческая лексикография: текстоцентрический и словоцентрический подходы. *Вопросы лексикографии*. 2018, 13: 7–22.
- Генералова 2021 — Генералова Е. В. По барабану: лексико-грамматический статус и лексикографическое представление устойчивых двухкомпонентных предложно-падежных сочетаний. *Вопросы лексикографии*. 2021, 19: 32–51.
- Герд 2008 — Герд А. С. Ларинская лексикографическая школа Петербургского (Ленинградского) университета. В сб.: *Русская историческая лексикология и лексикография: Межвуз. сб.* Черепанова О. А. (ред.). Вып. 7. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2008. С. 3–23.
- Зайнуллина 2013 — Зайнуллина С. Р. Традиционная формула как единица древнерусского текста. *Вестник Удмуртского университета*. Серия: История и филология. 2013, 2: 81–86.
- Кандаурова 1970 — Кандаурова Т. Н. К вопросу о традиционных словосочетаниях-штампах в древнерусских памятниках XI–XIV вв. *Ученые записки Московского педагогического института*. 1970, 353: 114–157.
- Ковалев 2002 — Ковалев Г. Ф. Вклад И. И. Срезневского в изучение древнерусской этнонимии. В сб.: *И. И. Срезневский и современная славистика: наука и образование. Сб. науч. трудов (по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «Славянские языки, письменность и культура»)*. Богатова Г. А., Архипова Е. В. (отв. ред.). Рязань: Рязан. гос. ун-т, 2002. С. 18–20.
- Ковшова 2021 — Ковшова М. Л. Фразеология как особый код культуры: теоретический и лексикографический аспекты. В сб.: *Svět v obrazech a ve frazeologii II. World in Pictures and in Phraseology II*. Janovec Ladislav (ed.). Praha: Univerzita Karlova Pedagogická fakulta, 2021. С. 324–325.
- Козырев, Черняк 2021 — Козырев В. А., Черняк В. Д. Словари XXI века: общие очертания лексикографического пространства. В сб.: *Лексикография цифровой эпохи: сб. материалов Междунар. симпозиума (24–25 сентября 2021 г.)*. Юринова Е. А., Земичева С. С. (ред.). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. С. 11–13.
- Колесов 1989 — Колесов В. В. *Древнерусский литературный язык*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.
- Кондрашов 1979 — Кондрашов Н. А. *Лингвистическое и методическое наследие И. И. Срезневского: учебное пособие*. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1979.
- Лаптева 1959 — Лаптева О. А. Расположение компонентов устойчивого словосочетания как элемент его структуры. *Вопросы языкознания*. 1959, 3: 73–85.
- Ларин 1936 — Ларин Б. А. *Проект древнерусского словаря: принципы, инструкции, источники*. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936.
- Лопутько 2012 — Лопутько О. П. Знакообразование в сфере формульной культуры древнерусского языка и семантический синкретизм. В сб.: *История языка и культурная память народа*:

Материалы ХLI Междунар. филол. конф. Черепанова О. А. (отв. ред.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 35–44.

- Лопутько 2014 — Лопутько О. П. Лексикографические принципы И. И. Срезневского в общеславянском филологическом контексте. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014, 3 (45): 146–148.
- Любимова 2009 — Любимова Л. М. Социальные модели устойчивых формул деловых памятников как объект исторической фразеологии. *Вестник Читинского государственного университета*. 2009, 4 (55): 134–140.
- Мокиенко 2013 — Мокиенко В. М. Культурологические и историко-этимологические комментарии в паремиологическом тезаурусе. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2013, 12: 121–134.
- Никитин 2012 — Никитин О. В. Измаил Иванович Срезневский 1812–1880. *Русская речь*. 2012, 5: 70–80.
- Пасечник 2005 — Пасечник А. А. *Лексикализованные предположно-надежные сочетания и их репрезентация в лексикографии*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 20 с.
- Пименова 2015 — Пименова М. В. Исторический словарь устойчивых единиц: проблемы и перспективы. В сб.: *Современные проблемы лексикографии: материалы конференции*. Крылова О. Н. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 144–145.
- Пименова 2020 — Пименова М. В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов). *Вопросы лексикографии*. 2020, 17: 178–194.
- Ройзензон 1961 — Ройзензон Л. И. Фразеологизация как лингвистическое явление. *Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои*. Вып. 113. Самарканд: Новая серия, 1961. С. 101–117.
- Семячко 2021 — Семячко Л. Н. И. И. Срезневский о вопросах культуры речи в школьном курсе русского языка. *Педагогика*. 2021, 85 (5): 105–114.
- Сороколетов 1998 — Сороколетов Ф. П. *История русской лексикографии*. СПб.: Наука, 1998.
- Срезневский 1873 — Срезневский И. И. Замечания об образовании слов из выражений. *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*. 1873, 10 (6–9): LXVI–LXXV.
- Срезневский 1959 — Срезневский И. И. *Мысли об истории русского языка*. М.: Учпедгиз, 1959.
- Срезневский 1986 — Срезневский И. И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте. В кн.: Срезневский И. И. *Русское слово: Избранные труды*. Кондрашов Н. А. (сост.). М.: Просвещение, 1986. С. 103–161.
- Творогов 1964 — Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси. В сб.: *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 20. Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII веков. М.; Л.: Наука, 1964. С. 29–40.
- Хуснутдинов 2008 — Хуснутдинов А. А. У истоков русской фразеологии и фразеографии. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008, 1: 107–125.
- Чернышева 2017 — Чернышева М. И. «Задачки Срезневского» в Словаре русского языка XI–XVII вв. В сб.: *И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского. Сб. статей Междунар. науч.-практ. конф.* Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2017. С. 182–188.

Статья поступила в редакцию 31 января 2023 г.

Рекомендована в печать 16 июня 2023 г.

To the origins of historical phraseography: Stable compound complexes in “Materials for the dictionary of the Old Russian language” by I. I. Sreznevsky*

For citation: Generalova E. V. To the origins of historical phraseography: Stable compound complexes in “Materials for the dictionary of the Old Russian language” by I. I. Sreznevsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (4): 662–683.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.401> (In Russian)

The article is devoted to the scientific heritage of I. I. Sreznevsky in connection with actively developing now historical phraseology and historical phraseography, the urgent problem of which is creation of the phraseological dictionaries of the language of pre-national period. The purpose of the paper is to study the retrospective of Russian and Slavonic historical phraseography, so it deals with the systematical and full research of stable compound complexes that have become the subject of description in Sreznevsky’s “Materials for the Dictionary of Old Russian language”, techniques and methods of their lexicographic interpretation, as well as the theoretical position of Sreznevsky as a lexicographer and one of founders of Russian phraseology. It is concluded that in the history of lexicography a bright representative of Petersburg Philological school Sreznevsky not only created the first historical dictionary of Old Russian texts, but also put the base of historical phraseography, since his dictionary is the first experience of describing the diachronic state of phraseology. The study of stable complexes presented in Sreznevsky’s dictionary, fulfilled with methods of phraseological identification, component, grammatical and lexicographic definitions analysis within general historical and systematic approaches, showed variety of linguistic material: idiomatics, traditional formulas, equivalents of Greek words, stable prepositional combinations, complex terms and names, compound proper names, proverbial expressions. Their interpretation outlines principles of lexicographic description of stable combinations in a historic dictionary and identifies important controversial issues (phraseology selection and explanation, the combination of linguistic and encyclopedic approaches, the representation of variability and synonymy of phraseology, the place of phraseology in a dictionary entry, etc.).

Keywords: phraseology, historical phraseography, historical dictionary, I. I. Sreznevsky, stable combination.

References

- Айолло 1961 — Aiollo B. G. From the history of the study of phraseology in Russian Linguistics. *Uchenye zapiski Azerbaidzhanskogo pedagogicheskogo instituta iazykov. Seriya: Filologicheskie nauki*. 1961, (9): 189–195. (In Russian)
- Биржакова 1965 — Birzhakova E. E. Description of the phraseological composition of Russian literary language of 18th century in the “Dictionary of the Academy of the Russian” 1789–1794. In: *Materialy i issledovaniia po leksike russkogo iazyka XVIII v.* Sorokin Yu. S. (ed.). Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1965. P. 251–270. (In Russian)
- Бирих 2016 — Birikh A. K. Dictionary of Russian phraseology (principles and tasks of composition). In: *Russkaia leksikografiia XXI veka: problemy i sposoby ikh resheniia: Materialy mezhdunar. nauch. konf.*

---

* The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00038 “The origins of Russian phraseology: a project for a differentiated historical dictionary of phraseological units of the Russian language of the 16th–17th centuries”, <https://rscf.ru/project/23-28-00038>.

- 12–14 dekabria 2016 g. Kalenchuk M. L. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2016. P. 19–22. (In Russian)
- Веколова 2015 — Vekolova A. Yu. “Materials for a dictionary of Old Russian language on written monuments” by I. I. Sreznevsky as a source of diachronic study of substantive word formation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Iazykoznanie*. 2015, 5 (29): 147–152. (In Russian)
- Генералова 2018 — Generalova E. V. Russian historical lexicography: word-centered and text-centered approaches. *Voprosy leksikografii*. 2018, 13: 7–22. (In Russian)
- Генералова 2021 — Generalova E. V. On the drum: lexico-grammatical status and lexicographic representation of stable two-component prepositional combinations. *Voprosy leksikografii*. 2021, 19: 32–51. (In Russian)
- Герд 2008 — Gerd A. S. Larin Lexicographic School of St. Petersburg (Leningrad) University. In: *Russkaia istoricheskaia leksikologija i leksikografija*. Cherepanova O. A. (ed.). Iss. 7. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2008. P. 3–23. (In Russian)
- Зайнуллина 2013 — Zainullina S. R. Traditional formula as a unit of Old Russian text. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija: Istoriia i filologija*. 2013, 2: 81–86. (In Russian)
- Кандаурова 1970 — Kandaurova T. N. On the question of traditional phrase-stamps in ancient Russian monuments of 11th–14th centuries. *Uchenye zapiski Moskovskogo pedagogicheskogo instituta*. 1970, 353: 114–157. (In Russian)
- Ковалев 2002 — Kovalev G. F. Contribution of I. I. Sreznevsky to the study of ancient Russian ethnonymy. In: *I. I. Sreznevskii i sovremennaia slavistika: nauka i obrazovanie. Sb. nauchnykh trudov (po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Slavianskie jazyki, pis'mennost' i kul'tura”)*. Bogatova G. A., Arkhipova E. V. (eds). Riazan': Riazan. gos. un-t Publ., 2002. P. 18–20. (In Russian)
- Ковшова 2021 — Kovshova M. L. Phraseology as a special code of culture: theoretical and lexicographic aspects. In: *Svět v obrazech a ve frazeologii II. World in Pictures and in Phraseology II*. Praha: Univerzita Karlova Pedagogická fakulta Publ., 2021. P. 324–325. (In Russian)
- Козырев, Черняк 2021 — Kozyrev V. A., Cherniak V. D. Dictionaries of the 21st century: general outlines of lexicographic space. In: *Leksikografija tsifrovoi epokhi: sb. materialov Mezhdunar. simpoziuma (24–25 sentiabria 2021 g.)*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta Publ., 2021. P. 11–13. (In Russian)
- Колесов 1989 — Kolesov V. V. *Old Russian literary language*. Leningrad: Leningrad University Press, 1989. (In Russian)
- Кондрашов 1979 — Kondrashov N. A. *I. I. Sreznevsky's linguistic and methodological heritage: a textbook*. Moscow: MOPI im. N. K. Krupskoi Publ., 1979. (In Russian)
- Лаптева 1959 — Lapteva O. A. Arrangement of components of a stable phrase as an element of its structure. *Voprosy iazykoznanija*. 1959, 3: 73–85. (In Russian)
- Ларин 1936 — Larin B. A. *The project of the Old Russian dictionary: Principles, instructions, sources*. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1936. (In Russian)
- Лопутько 2012 — Loput'ko O. P. Sign formation in the field of formula culture of Old Russian language and semantic syncretism. In: *Istoriia iazyka i kul'turnaia pamiat' naroda: Materialy XLI Mezhdunar. filol. konf.* Cherepanova O. A. (ed.). St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2012. P. 35–44. (In Russian)
- Лопутько 2014 — Loput'ko O. P. Lexicographic principles of I. I. Sreznevsky in general Slavic philological context. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2014, 3 (45): 146–148. (In Russian)
- Любимова 2009 — Lyubimova L. M. Social models of stable formulas of business texts as an object of historical phraseology. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009, 4 (55): 134–140. (In Russian)
- Мокиенко 2013 — Mokienko V. M. Cultural, historical and etymological comments in the paremiological thesaurus. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013, 12: 121–134. (In Russian)
- Никитин 2012 — Nikitin O. V. Izmail Ivanovich Sreznevskii 1812–1880. *Russkaia rech'*. 2012, 5: 70–80. (In Russian)
- Пасечник 2005 — Pasechnik A. A. *Lexicalized prepositional case combinations and their presentation in lexicography*. PhD thesis abstract. Krasnodar, 2015. (In Russian)

- Пименова 2015 — Pimenova M. V. Historical Dictionary of Stable Units: Problems and Prospects. In: *Sovremennye problemy leksikografii: materialy konf.* Krylova O. N. (ed.). St. Petersburg, 2015. P. 144–145. (In Russian)
- Пименова 2020 — Pimenova M. V. Lexicographic description of ancient Russian stable combinations of words (based on the material of verb turns). *Voprosy leksikografii.* 2020, 17: 178–194. (In Russian)
- Ройзензон 1961 — Roisenzon L. I. Phraseologization as a linguistic phenomenon. *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. Navoi.* Iss. 113. Samarkand: Novaia seriia Publ., 1961. P. 101–117. (In Russian)
- Семячко 2021 — Semyachko L. N. I. I. Sreznevsky on issues of speech culture in the school course of Russian. *Pedagogika.* 2021, 85 (5): 105–114. (In Russian)
- Сороколетов 1998 — Sorokoletov F. P. *History of Russian lexicography.* St. Petersburg: Nauka Publ., 1998. (In Russian)
- Срезневский 1873 — Sreznevsky I. I. Comments on the formation of words from expressions. In: *Sbornik Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk.* 1873, 10 (6–9): LXVI–LXXV. (In Russian)
- Срезневский 1959 — Sreznevsky I. I. *Thoughts on the history of Russian language.* Moscow: Uchpedgiz Publ., 1959. (In Russian)
- Срезневский 1986 — Sreznevsky I. I. On the study of native language in general and especially in childhood. In: Sreznevsky I. I. *Russkoe slovo: Izbrannye trudy.* Moscow: Prosveshchenie Publ., 1986. P. 103–161. (In Russian)
- Творогов 1964 — Tvorogov O. V. Tasks of studying stable literary formulas of Ancient Russia. In: *Trudy otdeladrevnerusskoi literatury. Vol. 20. Aktual'nye zadachi izucheniia russkoi literatury 11–17 vekov.* Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964. P. 29–40. (In Russian)
- Хуснутдинов 2008 — Khusnutdinov A. A. At the origins of Russian phraseology and phraseography. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 2008, 1: 107–125. (In Russian)
- Чернышева 2017 — Chernysheva M. I. “Sreznevsky’s tasks” in the Dictionary of Russian Language of the 11th–17th centuries. In: *I. I. Sreznevskii i russkoe istoricheskoe iazykoznanie: opyt i perspektivy. K 205-letiiu so dnia rozhdeniia I. I. Sreznevskogo. Sb. statei Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Riazan': Riazan. gos. un-t Publ., 2017. P. 182–188. (In Russian)

Received: January 31, 2023

Accepted: June 16, 2023